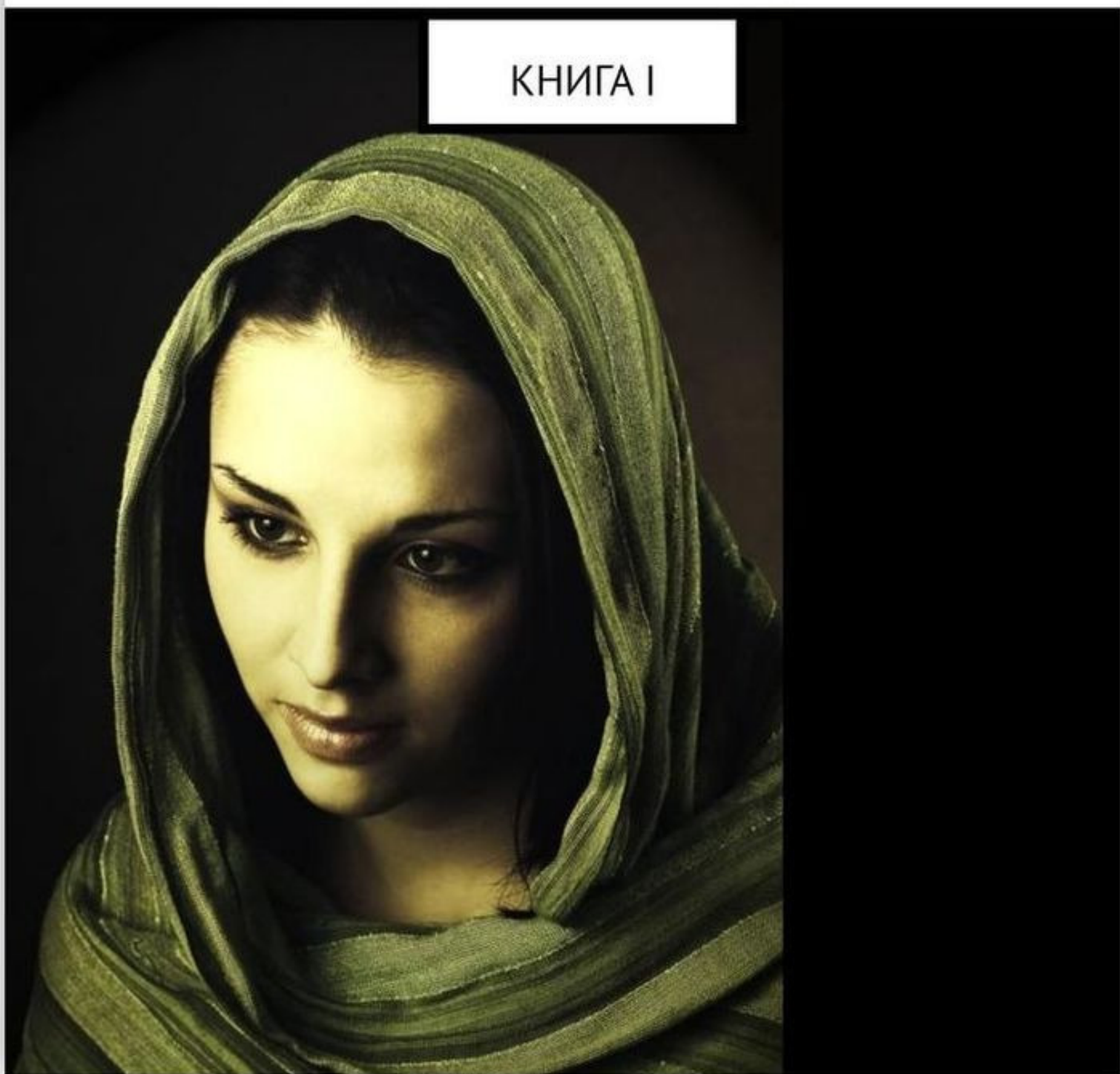

18+

ОЛЕГ ФУРСИН. МАНАНА

Мария из Магдалы. Супруга Иисуса

КНИГА I

Олег Фурсин. Манана
**Мария из Магдалы.
Супруга Иисуса. Книга I**

«Издательские решения»

Олег Фурсин. Манана

Мария из Магдалы. Супруга Иисуса. Книга I / Олег Фурсин.
Манана — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516589-3

Её звали Марией, не особо задумываясь, какой стороне её женской сущности соответствует имя. Какое это имело значение для окружающих? По-арамейски это звучало как Мариам, в галилейском произношении Мирйам, а привычнее для нас прозвучит «Мария из Магдалы Галилейской», «Мария Магдалеянка». Она была подругой Иисуса, которому суждено было стать Богом. И вот это последнее действительно имеет значение, и тогда все смысловые оттенки её имени приобретают особый интерес, и самое это имя — аромат...

ISBN 978-5-00-516589-3

© Олег Фурсин. Манана
© Издательские решения

Мария из Магдалы. Супруга Иисуса Книга I

Олег Фурсин. Манана

© Олег Фурсин. Манана, 2020

ISBN 978-5-0051-6589-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-6590-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наша книга адресована определенной категории читателей. Она – для тех, кто сомневается. Мы были далеки от мысли с карандашом в руках искать несоответствия и нелепости на страницах евангельских текстов, ибо это многократно делалось ранее. Мы просто захотели узнать о Сыне Человеческом больше, быть может, – чтобы уверовать, понять, проникнуться. «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» – восклицал один из нас. Второй же хотел рассмотреть в Христе не божественное воплощение. Разглядеть человека. Разглядеть Основателя одной из величайших религий в истории человечества, понять, как это основание ему удалось.

И вот тогда с нами произошло то чудо, на которое так щедра жизнь при условии определенного упорства. Изучая дух эпохи, её важнейшие события, изложенные как в Библии, так, скажем откровенно, по большей части – вне её, листая литературу, посвящённую учению Христа и его предшественников, и современные работы, рассказывающие о его личности, мы увидели его совсем другим. То, что наше видение мы попытались изложить посредством художественного произведения, объяснимо.

Ни один из нас не является историком. Наше мнение о том, как это происходило, всего лишь версия, которую легко оспорить. Знатоки вечно что-то оспаривают. А нам так хотелось показать Иисуса таким, каким мы его увидели, просто человеком с его радостями и печалью. Человеком, напроочь лишённым мелочной зависти и злобы, исполненным лишь любви и великодушия. Но при этом по-человечески подверженным страху. Каноны литературного жанра, где нет необходимости быть беспрестанно доказательным, это нам позволили.

Нам хотелось бы, чтобы те из вас, кто прочтёт нашу книгу, вновь обратились к Нагорной проповеди. Всё, о чём Иисус, Сын Человеческий, думал, что хотел принести в мир, изложено, на наш взгляд, именно в ней. Это – христианство. Этому христианству нет конца, и оно переживет все существующие ныне разветвления официальной христианской церкви. К которым оно, собственно, не имело и не будет иметь никакого отношения.

Глава 1. Мария.

Одно из значений её имени – «возвышенная». Такой она и была. Но в жизни её ждало немало горького, и другое значение имени, а именно – «горечь», определило её судьбу.

Её звали Марией^[1], не особо задумываясь, какой стороне её женской сущности соответствует имя. Какое это имело значение для окружающих? По-арамейски это звучало как Мариам, в галилейском произношении Мирйам, а привычнее для нас прозвучит «Мария из Магдалы Галилейской», «Мария Магдалянка». Она была подругой Иисуса, которому суж-

дено было стать Богом. И вот это последнее действительно имеет значение, и тогда все смысловые оттенки её имени приобретают особый интерес, и самоё это имя – аромат... А жаль, что только рядом с именем Иисуса её имя обретает плоть и кровь, и перестаёт быть именем одной из сотен тысяч. Она заслужила большего, прекраснейшая из женщин.

«Четырнадцать лет мне было всего, когда меня отдали в Храм. Что я понимала тогда в этом? Мама говорила, что мне очень повезло. Она радовалась, что я такая красивая! Марфа – не дурнушка, но не такая красивая. Правда, она младше, но уже сейчас видно, ей до меня далеко! Да и во всем городе не найдешь такую, как я, говорила моя мама. Наша семья не из последних, но Главная Жрица выбрала меня не потому, что мы состоятельны. Мама рассказывала любопытствующим соседкам, как Жрица взяла меня за подбородок, и долго смотрела в моё лицо. Я зажмурила глаза, потому что боялась. Слишком красивой и ухоженной была эта женщина, и даже мне, ещё ребенку, была ощутима властность, веявшая от неё. Она не походила ни на одну из знакомых мне женщин. Сейчас, умудрённая опытом, я бы сказала – ничего материнского, ни капли материнского не было в ней. Вот что отличало её ото всех. Долго и безмолвно она смотрела на мое лицо. Потом произнесла:

– Прекрасна!.. Какое совершенное творение, о Великая Мать!.. Открой глаза, дитя, посмотри на меня!..

Это мгновение я запомнила на всю жизнь, и не нуждалась в бесконечных пересказах матери. Я открыла глаза, ибо как бы я ни боялась, не подчиниться этому голосу было невозможно.

И жрица Ашторет заглянула мне в глаза. У нее были огромные, карие, с поволокой очи на бледном лице. Пронизывающие до самой глубины души, выворачивающие наизнанку. Даже сейчас, когда всё позади, и я ничего уже не боюсь, предстать перед этой Женщиной с её взглядом я бы не хотела. Так много лет подряд это было самым суровым наказанием для меня – выдерживать испытующий, строгий взгляд Главной Жрицы, а ведь наказаний помимо этого, и каких, было немало...

– Глаза цвета изумруда, цвета морской волны, пронизанной солнцем, такие светлые и прозрачные, – вполголоса проговорила Жрица. – И это при тёмных до черноты волосах... И ты вовсе не смуглая, девочка моя, как здешние жители, кожа у тебя светлая...

– Были ли у девочки краски, и сколько месяцев назад это началось? – вдруг прервав свой монолог, свой разговор обо мне с самой собой, обратилась Жрица к моей матери.

Мама выглядела крайне растерянной и какой-то жалкой, заискивающей. Это потом, рассказывая в лицах обо всём соседям, она стала такой гордой и довольной. А сейчас, стоя перед Главной Жрицей, она лепетала что-то про то, что вот уже почти год у меня бывают положенные истечения, но были и перерывы, и она не знает, с чем это связано. Быть может, жрицы Ашторет подскажут, что было причиной...

– Если она войдет в Храм, это не твоя забота, женщина, – холодно перебила её Главная Жрица. Я пришлю за ней, и укажу благоприятный день её встречи с Великой Матерью. Прощайтесь надолго, я дам вам время. Потом вы не увидите её много лет. Я настаиваю на этом. Жрица Великой Матери не нуждается в иной матери, кроме Неё. И у нее появятся другие сестры. Прощай!

Она повернулась к нам спиной и величественно удалилась. Мать бросилась ко мне, плакала, целовала. Сквозь слезы убеждала меня, что я счастливая, удачливая. А мое сердце трепетало от самого настоящего ужаса. Я поняла, что прощаюсь с домом, родными и близкими, надолго, быть может, навсегда. Что же здесь хорошего? Помню, я тогда страшно завидовала Марфе. Пусть уж лучше она была бы красивая и удачливая, а я оставалась бы дома. С отцом, Лазарем и мамой.

Потом, несмотря на все мои слёзы, и просьбы, и отчаяние, благоприятный день для встречи с Великой Матерью настал. Когда я шла к Храму, оставленная всеми своими родными,

в руках у меня была кроваво-красная роза. То был символ, которого я ещё не понимала. Я несла эту розу в Храм, на ступенях которого мне предстояло потерять свою девственную кровь, а вместе с этим пустяком – и юность, и многие радости жизни. В обмен на мужскую любовь, на нелегкое служение мужским мимолетным страстям.

Но розы я всё равно люблю. Их чарующий, кружащий голову аромат, их красные и охряно-жёлтые лепестки. Они напоминают мне наш дом, сад, в котором прошло столько счастливых мгновений моего детства. Я представляю себя розой, еще не раскрывшейся навстречу солнцу, с капельками росы на красных лепестках. И лишь одному человеку, которого я люблю, удалось раскрыть эти лепестки, распахнуть их. Лишь одному удалось увидеть сердцевину цветка... Я знаю, что это неправда. Но это не мешает мне любить розы. И мечтать.

А вот воспоминания о Храме я не люблю. Они омыты слезами моего детства, слезами неисчислимых обид и разочарований. Красота моя была ловушкой прежде всего для меня, и захлопнулась эта ловушка в день, когда я переступила порог Храма как ученица. А уж потом она стала ловушкой для мужчин, но не раньше того, как меня научили подчиняться, покоряться, чтобы стать царицей. Марфа восхищается моему умению одним взглядом бросить мужчину к ногам, одним поворотом плеча. Движение, поступь, речь – тут всё важно. Это только сестрице с её наивностью кажется, что всё свершается в одно мгновение. Я-то знаю, что от первого заинтересованного взгляда до падения мужчины в мои объятия, даже если всё свершается в один день, лежит целая пропасть ухищрений. Моих, конечно.

Да и потом, когда всё свершилось, следует удержать мужчину в руках Великой Матери, чтобы он приходил к ней раз за разом. Это потруднее, пожалуй, чем вызвать первое опьянение страстью. Твое тело – вот её руки. Он должен запомнить это тело как величайшее из своих наслаждений, чтобы потом день за днем, ночь за ночью, вспоминать в телесной дрожи все его изгибы, выпуклости, впадины, всю его женскую слабость и силу. Пусть покрывается потом, пусть его руки дрожат, когда он не то что увидит, а просто вспомнит тебя. И тут, в этом искусстве, если все говорят, что нет тебе равных, это означает не только природную красоту. Это – потрясающая выучка. Здесь и каждодневные упражнения тела в гибкости, от которых так ноют мышцы. И погружение ума в философию, от самых простых до сложных её форм, изобретённых умнейшими мужчинами. Которые при этом все равно остались мужчинами. А значит, стремящимися к нашим объятиям животными. Ах, дурочка-сестрица, пройти бы тебе все семь ступеней обучения и посвящения. От первой, когда ты, ещё девочка, отдаешь своё сокровище на ступенях Храма грубому скоту, пожелавшему тебя, во имя Великой Матери. Это очень больно, и очень страшно, поверь. Главное – стыдно, хотя бы весь мир пытался уверить тебя, что это честь, оказанная Матерью. Потом отдать тебя в руки храмовых рабов, когда ты уже кое-чему обучена, и заставить совокупляться под пристальными взглядами жриц, да ещё под их обсуждение каждой позы, каждого твоего движения. Этот гордый взмах головой, который тебе так нравится, когда мои волосы взмывают вверх, словно крыло птицы... Рассказать тебе, как я ему научилась? Да нет, не стоит, злобствовать я не стану. Ты не повинна в моих познаниях, равно как и в бедах. Твой чистый свет засияет однажды, уже очень скоро, для избранного, одного-единственного, покровительственно и нежно относящегося к тебе мужчины. И это твоё счастье.

Впрочем, мне тоже не на что жаловаться. Чтобы стать такой, как есть, пришлось поплакать. Но сегодня я одна значу больше, чем вся моя семья, да и жители всего нашего города. Я – гордость Храма, взрастившего меня. Я – предмет зависти множества женщин и устремлений множества мужчин. И я сама выбираю тех, кто вместе со мной, познавая моё тело, приходит к Матери в священном совокуплении. Я давно уже знаю, что не все мужчины – скоты, и помню ночи блаженства в объятиях тех, кто избран Ею, кто понимает. Меня не ограничивают в выборе подаренных Матери в моем лице украшений, и я не стеснена в средствах. Я могу выбирать города для проживания, людей для общения. Двери многих высоких домов распахнутся жрице

Ашторет так широко, как она пожелает. «Священной», «отделённой для работы» зовут меня люди.

Мама, будь она ещё жива, гордилась бы мной. Но не отец, нет. Я помню их разговор с матерью накануне моего ухода в Храм. Отец волновался, и возвышал свой голос, мама оправдывалась и наступала. Я многого не поняла тогда. Почему речь шла о «чистых» и «нечистых», я не знала. Отец упоминал заветы Моисея, которого чтит.

«Не будет храмовой проститутки среди дочерей Израиля», «Бог не терпит разврата», – вот его слова. Он убеждал мать, и убеждал долго. Потом, видимо, устав бороться, а был он человеком мягким и добрым, сдался.

– Поступай как знаешь, Козби, – сказал он, и голос его дрожал. Ты знаешь, мне трудно противиться тем, кого я люблю. Для меня одна главная драгоценность в этой жизни – наша семья. Я жил по слову Его всю мою прежнюю жизнь, я знал, что «оставит мужчина отца и мать своих, и прилепится к жене своей, и станут они единым телом»[2]. Ты – словно мидианитянки[3], губящие свой собственный народ, совращающие Израиль пагубной страстью к чуждым ему богам. Я не буду твоим Пинхасом[4], и дочь поступит по слову твоему. Но мне трудно с этим смириться, и это грех, который я свершу ради тебя. Ты повинна в нём не меньше, чем я. Я буду ждать расплаты с этого дня...

И мать, а вслед за ней и отец, ушли рано. Иногда я думаю, что моя жизнь в Храме тому причиной. Правда, я стала задумываться об этом недавно. Не стоит лгать себе самой, совсем недавно. После той встречи, которая занозой устроилась в моем сердце и мешает жить. Мешает исполнять работу, для которой я была отделена Великой Матерью.

Во многих случайностях нашей жизни бывают виноваты те, кого мы чтим близкими людьми. Не стань жена Хузы, домоправителя Ирода, моей подругой, не случилось бы и этой странной встречи. Но Иоанна ею стала, и в этом нет моей вины или заслуги. Ни до того, ни после я не делала попытки сблизиться с женщинами. Жизнь в Храме делает женщину такой одинокой, каждая из твоих спутниц – соперница, твой худший враг. Это понимание быстро входит в плоть и кровь, после первых дней в доме Матери, где пышным цветом расцветают доносительство, взаимная ненависть, ложь и клевета. Может, не стоило бы отделять женщин, собирая их в одном месте с такой узкой целью – привлекать к ним как можно больше мужчин? Это не делает их лучше, право, а будит всё самое непривлекательное в них.

Наша первая встреча с Иоанной случилась давно. Я тогда уже прошла первые ступени посвящения, и уже не служила первой утехой усталых путников, но жизнь моя всё ещё была тяжела, и много в ней было грубого, а порой и страшного. Тот день был моим несчастливым днём женской слабости. Несмотря на лечение травами, которое было применено ко мне Главной Жрицей, прекрасной врачевательницей, накануне истечений я всё ещё страдала болями, и меня терзали слабость, необычайная склонность к слезам, иногда – обмороки. Словом, если Главной Жрице и удалось добиться постоянства истечений, то они всё ещё оставались для меня немалым испытанием. Но кого это могло интересовать в тот день? Предстояла церемония оплакивания прекрасного Возлюбленного Великой Матери Богов.

Под звуки флейт, барабанный бой и крики евнухов-жрецов в день, называемый Кровавым, мы шли через весь город к Храму, плача и разрывая на себе одежды, распустив волосы по плечам, царапая лицо ногтями, взывая к Возлюбленному, умоляя Его вернуться к Матери, тоскующей по нему, мечтающей остудить своё пылающее лоно Его ласками... В день всеобщего траура могла ли я пожаловаться на личную беду и остаться вне этого моря слёз и экстаза? И я пошла вместе со всеми – молча, закусив от напряжения и боли нижнюю губу, едва сдерживая тошноту, шатаюсь от слабости – благо, это могло считаться признаком овладевшего мною горя...

На подступах к Храму нас окружила толпа вконец обезумевших людей. Бой кимвалов и визг флейт достигли пика. Кружились в священном танце жрецы, возбуждаясь всё более

этой дикой музыкой, кружились и трясли головой, волосы их развевались. Потеряв чувствительность к боли, наносили себе раны глиняными черепками и ножами, забрызгивая нас своей кровью. И в толпе нашлись подобные смельчаки, и они были также в крови, их развёрстые рты оглушали нас криками. Мир плыл перед моими глазами, двоился, троился, покрывался пеленой. В толпе, окружавшей нас, мне не хватало воздуха, он почти не поступал в легкие, а поступавший – обжигал раскаленным жаром. Я была недалеко от обморока, когда чья-то рука выхватила меня из людского водоворота, потащила за собой, не давая сопротивляться, очень настойчиво, но совсем не грубо.

Я почувствовала, как меня посадили на ступени и прислонили к холодной стене в каком-то тенистом проулке. Потом плеснули в лицо водой. Медленно и неохотно я открыла глаза, потому что это требовало собственных усилий, требовало моего возвращения в неласковый мир, а мне так хотелось остаться предметом чьей-то столь неожиданной, но приятной заботы.

Так я увидела впервые это чистое лицо. Иоанну мало кто считает красивой, ибо у большинства людей представление о красоте – как о чём-то диком, буйном, бросающемся в глаза, завораживающем... Красива я, красива наша Главная Жрица. Нас провожают глазами мужчины, мы не умеем быть незаметными.

Но для меня именно лицо Иоанны, обычно неприметное для большинства мужчин, вероятно красиво, поскольку в нём главное – спокойствие и ласка. Даже если Иоанна сердится, то её нежное личико не бывает гневным. Оно скорее страдающее, словно она пытается понять – как же такое могло случиться, почему? И тут же смена – а чем я могу помочь? Именно с подобным выражением на лице она протягивала мне воду из глиняной фляги, снятой с пояса.

– Не стоит в подобные дни быть в толпе, – спокойно и буднично стала она выговаривать мне, отчего я сразу почувствовала себя маленькой, но любимой ею девочкой. Особенно, если нездоровится. Ты чуть было не упала, а там смяли бы тебя, затоптали бы ногами. Почему никто не отговорил тебя от участия в шествии? Право, Главная Жрица слишком строга к вам, рабыням Великой Матери. В Эстер никогда не было мягкости, всегда одна гордыня, и бесконечная строгость... Хорошо ещё, что не только к вам, но и к себе, в справедливости ей не откажешь. Да иначе бы ей и не сделаться Главной...

Вот так в день всеобщего траура я неожиданно обзавелась подругой, которую не просто люблю – я боготворю её. Не потому только, что благодаря своим связям и знакомствам со многими, кто что-либо значит в этом мире, она облегчила мне жизнь. Хотя и это важно. Но только с ней я поняла, какое это счастье – иметь нежную и заботливую мать, могущую уберечь тебя от многих неприятностей. Главное же – она меня любит, а я до встречи с ней никогда и никем не была любима. Правда, я и не знала, насколько это необходимо мне. Теперь знаю...

Вот уже несколько лет подряд Иоанна вывозит меня в своё имение на Галилейском море. Кинерет – прекрасная местность, где душа отдыхает от повседневной суеты в общении с водой, солнцем, садами. А главное – в общении с ней, всегда ровной и весёлой, всегда приветливой к людям. С её неистребимым интересом ко всему на свете, к любому явлению жизни.

Вот последнее обстоятельство и стало причиной встречи, которая не дает мне покоя. Человек этот, называемый Иисусом-мессией, снится мне ночами, я тоскую по нему. Я стану сама искать с ним встречи. Нет нужды, что обычно всё наоборот, и ищут встречи со мной. Хочу приблизиться к нему. Хочу коснуться его рук – мне кажется, что я излечусь тогда от тоски, от какой-то давней внутренней боли. Хотя само желание видеть его настолько сильно, что тоже причиняет боль. Не умею не то, что объяснить, не умею даже понять, что происходит».

Глава 2. Мария и Иисус. Первая встреча.

Хуза готов для Иоанны на всё. Когда я их вижу рядом, возникает странный для жрицы Ашторет вопрос. Стоит ли быть красивой, если рядом нет мужчины, который тебя так любит? На это следует посмотреть. Когда они рядом, я имею в виду. Оба словно светятся изнутри, как будто в присутствии друг друга внутри у них зажигаются две свечи с ярко-красным пламе-

нем. И в свете этого пламени преображаются их обычные лица, становятся необыкновенными, сияющими, светлыми. Они обмениваются порой такими взглядами, что я испытываю некоторую, мне самой непонятную, зависть. Я справляюсь с этим чувством, столь неблагородным и по существу, и по отношению моему к подруге. Я и сама её люблю, почему же не должен любить Хуза? Брак их уже не молод, они вместе лет пять – шесть. Но детей у них нет, и это их общая печаль. Потому Иоанна живет здесь, в городе, вблизи Храма. Хуза старается почаще бывать у неё, а не во дворце Ирода Антипы, своего хозяина, изобретая самые разные причины для поездок по стране. Главная Жрица лечит подругу и мужа, и уверена в действенности своего лечения, а главное – убедила в этом и мою Иоанну. Когда так веришь, рано или поздно двери благодати Великой Матери распахнутся перед твоей надеждой. Стучите долго, надеясь, что вам отворят. Часто только это и помогает.

И всё же каждое новое имя целителя ли, пророка ли, которое достигает ушей Иоанны, вызывает у неё интерес, больший, чем у кого-либо другого. И она разыскивает его. А вдруг? Если не себе, то другим пригодится, она же не терпит, когда рядом кто – то болен, страдает, потерял надежду. Она бежит по зову сердца лечить, спасти, поддерживать...

Так было этим летом, когда она вновь увезла меня на Генисаретское озеро. В окрестностях шла молва о некоем Иисусе Назорее. Он учил народ, и сотворил несколько чудес, и уже кого – то вылечил от неизлечимой болезни – кто говорил, что слепому отверз очи, кто утверждал, что бесноватого избавил от падучей болезни.

– Знаешь, Мариам, дороги, по которым мы идем, порой предполагают встречи, и встречи счастливые, – начала она как-то вечером, упомянув об Иисусе. Нам с тобой уже повезло однажды, почему же не дважды?

– Я пойду с тобой куда угодно, если ты об этом, – отвечала я ей. Хотя не очень – то верю в пророков, которых нынче развелось сверх всякой меры. Священство Й'рушалайима относится к нему крайне плохо, я что – то слышала об этом. Впрочем, эти и нас не жалуют, только справиться не могут, не по зубам им наша древняя вера в Женскую Богиню, слишком она крепка, слишком прочно вошла в кровь...

– Может, если бы наши мужчины не были столь суровы к нам порой, дорогая, мы не тянулись бы к женской Богине, да простит меня Мать за такое утверждение. Но улыбнёшься иногда какому-нибудь фарисею, а он спешит отвернуться от тебя, как от прокажённой, словно осквернился уже взглядом. Чудаки-ессеи и вовсе отказались от нас, женщин. Мы для них – сосуд греха, вздорные и грешные существа. Отвергнуть женщину и остаться в сиротстве и одиночестве им лучше, нежели иметь дело с плотью. А женщина ведь и есть плоть в чистом виде, и какая прекрасная – достаточно взглянуть на тебя...

– Ну, тут ты не совсем права. Хуза на меня не смотрит, что в твоём присутствии, что без него, будто я прозрачная; а вот ты для него – плоть, и любимейшая!

Так мы шутили и болтали с Иоанной накануне этой встречи, перевернувшей мою жизнь. Я посмеивалась над подругой, утверждая, что она испытывает особую страсть к целителям, и на месте Хузы я бы уже волновалась и ревновала. Она говорила, что я сама не прочь провести осмотр здешних красот, в частности мужских, на предмет покорения. В конце концов было решено, что денег с нас за то, чтобы взглянуть на чудеса Иисуса, не возьмут, и не накажут глупых богатых женщин за проявленное ими любопытство. А потому идти на встречу с этим пророком можно и даже нужно – завтра, с утра.

Пророки, как я уже отмечала, не вызывают у меня тёплых чувств. Как – то так повелось, поскольку их отношение к нам, жрицам любви, тоже не исполнено понимания и привязанности. Поэтому с утра я встала в настроении особо непокорном. И мой наряд на фоне скромного наряда Иоанны смотрелся ярким пятном. Я закрыла плечи, но рукава платья были прозрачными и подчеркивали рисунок рук, цвет платья был красным, а из-под складок его выглядывала чёрная полупрозрачная юбка, наводившая на некоторые мысли. Не стала я набрасывать

и покрывала на голову, это удел замужних женщин. Мне, жрице Ашторет, оно не по нраву. Голову мою украсил небольшой и круглый головной убор, напоминающий сеть рыбака, волосы он не закрывает, лишь слегка придерживает – зачем мне скрывать свою главную драгоценность, мою гриву, которой позавидовали бы и кони из конюшни Антипы. Так утверждает Хуза, а он коней этих холит и лелеет. На шею я уложила три ряда черных гагатовых бус, перевязала складки платья вокруг талии широким черным поясом. Словом, Иоанна, терпеливая и кроткая, одетая в тёмное, почти чёрное платье безо всяких украшений, закрытая до самых пяток, только головой покачала. Но упрекать не стала: она же мудрая, и прекрасно знает, что в этом наши дороги расходятся. Как бы мы ни любили друг друга, но ей в жизни следует быть женой любимого мужа, скромной и берегущей себя для него одного. Я – предмет вожделения многих мужчин, источник страстей. Это – самая тёмная сторона Великой Матери, самая загадочная, и привлекательная при этом. Соответствовать своему призванию – мой удел. Соответствовать своему – её. Мы просто две стороны женского начала, и нам очень повезло, что мы любим и понимаем друг друга.

Обычно же эти стороны враждуют друг с другом. Кому, как не мне, знать это, я привыкла к ненавидящим женским взглядам, к злобному перешептыванию обеспокоенных жён за спиной. Думаю, что Иоанне дружба со мной обходится дорого, и немало упреков и предсказаний о том, что она непременно будет обманута, выслушала моя подруга. Я говорила уже, что перед жрицей Ашторет открываются многие двери, но забыла упомянуть, что чаще всего их распахивают мужчины. Женщины, не боящиеся широко открытых дверей – редкие существа, жемчужины среди множества камней на дороге. Они не боятся моего соперничества с собой, ибо сами прекрасны и уверены в себе. Они предполагают благородство и во мне, поскольку не лишены его сами. Иоанна мне верит, как верит и мужу, искренне её любящему. В присутствии Хузы я стараюсь быть тихой и незаметной. И одетой как серая мышь. Удивительно, что он разглядел мои волосы, и хоть слова его были мне приятны, с тех пор в дни его приездов я тем более тщательно их закрываю, словно примерная жена. Но сегодня – не тот случай! Сегодня можно быть самой собой, я сегодня – грешница, развратница и разрушительница. Пусть это будет видно. Всё равно Иоанна берёт двух крепких рабов с собой для нашей охраны. Обидеть нас будет трудно, а смотреть – пусть себе смотрят! Разве не для того я была отделена Великой Матерью, чтобы будить в мужчине – мужчину?!

Как ни рано мы встали в этот день, но к началу зрелища опоздали. Возможно, из-за моих длительных сборов – ну и что? Кто сказал, что надо бежать спозаранку на берег Генисарета, чтобы взглянуть на некоего Иисуса в первую же минуту появления его на берегу? Не слишком ли великая честь этому Мессии бедняков и грешников, как о нём говорят? Другое дело, что не мы одни пришли взглянуть на чудеса, и берег был заполнен стоящими, сидящими и лежащими на песке людьми. Сам проповедник провозглашал слова своего учения с лодки, привязанной длинной веревкой к маленькой пристани. Видимо, на земле ему места уже не нашлось. Иоанна огорчалась, что мы ничего толком не увидим и не услышим. И она была права. Если мы хотели стать участниками действия, следовало принять меры. Я подозвала раба, Каспара, и, отдав ему приказ, крепче ухватила под руку начавшую было сопротивляться подругу.

Ухмыляющийся Каспар, на пару со вторым рабом, стал расталкивать и раздвигать толпу. Недовольным их поведением всякого рода рыбакам, крестьянам и прочим детям земли, – а здесь их было большинство, – нахальный раб шипел в лицо: «Дорогу Йохане эшет Куза, супруге домоправителя господина нашего, Ирода Антипы!» Ему пришлось раздать пару пинков и пощёчин, прежде чем мы достигли берега, что доставило великое удовольствие этому униженному судьбой существу. Так обычно и бывает, нет большего счастья у раба, чем унижить другого. А Иоанна, прикрыв лицо покрывалом, едва передвигалась, увлекаемая мной, и ей-то, моей возвышенной подруге, было стыдно за используемое преимущество своего положения. В таком порядке мы дошли до самого берега, и здесь присели, свесив ноги чуть ли не в воду.

Рабы встали за спиной у нас, вызвав недовольство окружающих. Впрочем, оно быстро погасло при виде обернувшегося Каспара с его варварским лицом и нелепой ухмылкой. Каждый, кто эту ухмылку видел, понимал, что перед ним создание ограниченное и способное в силу этой ограниченности на многое.

Теперь, когда я добилась своего, пусть даже таким путём, не одобряемым едва дышащей от привлеченного к ней всеобщего внимания Иоанной, следовало оглядеться. Мне казалось, что не заметить нашего появления Мессия не мог, оно было достаточно громким. Но, тем не менее, он его не заметил. Он не притворялся, не делал вид, что не обратил на нас внимания. Весь его облик выдавал какую-то совершенную искренность, и было очевидно, что человек этот не солжёт. Ни словом, ни поступком. Я несколько лет подряд смотрю на Иоанну, я знаю, что говорю. Есть такие чудные люди на свете, живущие в своем, отделённом от прочих, мире. Иисус был проникнут тем, что говорил в данную минуту, настолько, что нас не увидел. Он стоял в своей лодке так, словно был один на всём свете. И говорил он себе. Или тому, чьим светом был проникнут. Он обращался к Небесам, и называл эти Небеса так: «Авва, Отче!» Отцом своим Небесным называл он грозного и порой ревниво-злобного, на мой взгляд, а он небеспристрастен, мой женский взгляд, Бога праотцев Израиля. И в этом было столько нежности, столько любви, преданности, даже страсти, что сердце моё невольно забилося сильней. Страсть, даже если она не относится к нам самим, невольно задевает душу, увлекает, иначе почему бы возникало у меня то чувство зависти к Иоанне, о котором я уже говорила?

Но вскоре я успокоилась. Не знаю, что должны были понимать дети земли, рыбаки и крестьяне, в том, о чём дальше заговорил Иисус. Говорил он притчами, языком, как будто доступным простому народу. Но смысл этих притч разгадать было довольно сложно, мне приходилось напрягаться, и я видела, как сходятся брови на лице Иоанны, и взгляд её делается несколько отрешенным. А это у подруги верный признак задумчивости и попыток найти ответы на нелегкие вопросы.

– Вот вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли, потому что земля была неглубока. Когда же вошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит!^[1]

В общем, мне вполне понятно. Это он о своём учении, которое нам излагает. Кому-то, кто всё понял и воспринял как нужно, обещает стократную награду, а такие, как я, вероятно, – зерно, упавшее на дороге. И мысль его не взойдёт в наших душах... Из всего этого я вынесла утешение: уши у меня, по крайней мере, есть, и они слышат. Буду слушать дальше, посмотрим, что получится...

А в окружении этого Учителя далеко не все с ушами. Мальчик, что сидит с ним в лодке, время от времени подгребая веслом, чтобы не удалиться от берега, верёвка-то длинная, этот мальчик скорее глазаст. С ушами же у него плохо. Поскольку вот уже несколько мгновений подряд он изучает мою грудь во всех подробностях. Могу предсказать: когда дело дойдет до нижней юбки с её прозрачностью, а судя по его интересу ко мне, это рано или поздно случится, глаза его загорятся, а уши окончательно оглохнут. С того места, где они плавают, ему откроется многое, о чём не догадывается Учитель.

– Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своём. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушёл. Когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы... Придя же, рабы домовладыки сказали ему: «Господин! Не доброе ли семя ты сеял на поле твоём? Откуда же на нём плевелы?» Он же сказал им: «враг человек сделал это». А рабы сказали ему: «Хочешь ли, мы пойдем, выберем их?» Но он сказал: «нет; чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте

расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою»[2].

В этой притче я поняла немного, но достаточно, чтобы почувствовать: с такими, как я, в Царстве Небесном разберутся легко и просто. Повяжут в снопы, и сожгут, как сжигают плевелы. Ну почему все эти пророки так добры к нам, так милосердны? Между тем мальчик в лодке оглох, как я и предсказывала. Хорошо, если не свалится в воду, и я же опять останусь виноватой во всём...

– Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своём, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его[3]...

О, Великая Мать! Неужели я пришла сюда затем, чтобы узнать, как растут пшеничные, горчичные и прочие зёрна, как им мешают плевелы, и как со всем этим бороться... Ну моё ли это дело! От нечего делать и от душевной тоски я улыбнулась мальчику так нежно, как только могла. Всем своим видом он показывал готовность плыть, лететь, ползти ко мне. Но из лодки, теперь уже к глубокому моему сожалению, так и не выпал, было бы хоть какое развлечение...

Громкий плач раздался на берегу, отчаянный, навзрыд, пронзающий сердце насквозь. Он сменился каким-то диким, неестественным хохотом. В опасной близости от нас забился в судорогах человек, бросились врассыпную в стороны от него перепуганные люди. Мы с Иоанной застыли на месте, не в силах двигаться от страха. Каспар со вторым рабом куда-то исчезли, и мы оказались с ней одни рядом с бесноватым. Подруга прижалась к плечу, я слышала бешеный стук её сердца, сливавшийся с моим...

Тело бесноватого вдруг изогнулось дугой и застыло в таком положении. А на мою голову опустилась чья-то рука.

– Не бойся, теперь ничего больше не бойся. – сказал Он глубоким и нежным голосом, где-то над головой. Снова в этом голосе была страсть, тронувшая меня. А ведь притчи Он пересказывал совсем по-другому, скучным, проповедническим тоном. Ещё Он провел рукой по моим волосам. Раз, и другой, словно уже имел на это право, словно не в первый раз доводилось Ему так успокаивать меня в моем страхе. И покой воцарился в моей душе, только потом, когда он отвёл руку, стало томить сожаление, что отвёл.

Иисус стоял над бесноватым, стоял и смотрел. Развевались по ветерку его светлые, с рыжиной, волосы. Зеленые глаза исследовали пронзительно, с пониманием, выгнутое дугой, неестественно приподнятое над землёй тело молодого человека лет не более двадцати, с красивыми, нежными чертами лица. Одет был последний не как крестьянин или рыбак, одежда скорее выдавала в нём горожанина, и горожанина из весьма состоятельной семьи. И когда к ногам Иисуса бросился некто, по-видимому, отец юноши, и обнимая его колени, стал умолять об излечении, я разглядела в его лице черты человека мыслящего и услышала речь отнюдь не простую. Но дело не в этом. Здесь повсюду много больных – расслабленных, калек, одержимых бесом, и приводит их надежда избавиться от своих недугов посредством целебных источников, изобилующих на берегах Генисарета. Среди них много и бедных, и богатых, ведь болезни не щадят людей по этому признаку, хватает их и у тех, и у других. Вот и Хуза купил для жены дом и сад, и в жару она отдыхает и лечится именно в этом благословенном месте. Странно было другое. Слыша мольбы несчастного отца, внимая им, Иисус сам словно светлел лицом, выпрямлялся. Было такое впечатление, словно он становился выше ростом, как бывает с людьми, вдруг поверившими в себя. Он склонился к бесноватому, провёл рукой по его лицу, потом по груди, животу, ногам. Я ощутила в этом движении, как сильна мужская рука, что дарит покой и утешение слабым. Вместе с тем, какой нежной она становится, когда Иисус исцеляет! Под волшебной этой рукой тело бесноватого расслабилось, опустилось на песок. И вновь раздался голос, исполненный той же силы и нежности, что присуща его рукам, завораживающе действующий на меня.

– Дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои. Встань и иди в дом твой.

Невозможно описать словами потрясение, какое я испытала через некоторое время, когда бесноватый открыл глаза. Не сразу, медленно, но верно возвращался он в этот мир, и лицо его принимало осмысленное выражение. Он приподнялся и присел. Заливался слезами ошарашенный отец, которому Иисус тихо шептал о чём-то. Юноша встал, разминая мышцы, оглядел пространство перед собой. Общее внимание смутило его, и он, подчиняясь словам Иисуса, развернулся и пошёл.

Ещё не успели умолкнуть вздохи, удивленные вскрики и пересуды, когда к Иисусу приблизился другой человек, среднего возраста, и откинул складки одежды с руки, обнажив её по плечо. Вновь отшатнулась приблизившаяся было к Иисусу толпа. Розовато-жёлтые пятна на руке просителя выдавали проказу. Кланяясь Иисусу, прокажённый сказал:

– Господи! Если хочешь, можешь меня очистить.

– Хочу, очистись! – раздался в ответ уверенный, волшебный голос. И снова Иисус провёл рукой по руке больного. Это казалось невысказанным, невероятным – он ничего не боялся, даже этой ужасной болезни, болезни отверженных, отброшенных обществом людей. Появись в этой толпе хищный зверь, желающий растерзать, убить, разгрызть наши тела, и то он не вызвал бы, скорее всего, того ужаса и отвращения, какое питают к больным проказой их здоровые соплеменники. Ибо проказа заразна, и разделяет целые семьи, выгоняя за порог дома отцов, матерей, и даже некогда любимых детей, если их коснулся бич Божий.

Здесь же, на наших глазах, исчезали, растворялись ужасные пятна, уходили в небытие. Я была как во сне, берег уплывал от меня, наверное, я плакала, а по лицу подруги, я увидела мельком, уж точно катились крупные горошины-слёзы. Обняв за плечи просителя, смотря ему прямо в глаза, Иисус что-то шептал ему, но я уже не слышала, что – слишком большим было моё потрясение и восхищение происходящим, а голос, который уже не забыть никогда, – слишком тихим, предназначенным лишь для исцеляемого.

– Иди, и как ты веровал, да будет тебе! – сказал потом громко Мессия, убрав свои руки с плеч бывшего прокажённого. Смотри, никому не сказывай; но пойдешь, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство ему.

Потом Он снова ушел в свою лодку, и уплыл со своими учениками куда-то, оставив нас на берегу – оглушенных, одурманенных, плачущих от восторга. Каспар всё-таки увел нас с берега, он, трусливый негодяй, появился возник рядом с нами, когда всё закончилось. В другое время он получил бы от меня заслуженную оплеуху, но теперь было не до этого. Надо было унести свой потрясенный разум домой, и попробовать осмыслить, понять, что же всё это значит. Так мы с Иоанной и поступили, а потом был длинный, долгий вечер, и много разговоров, посвящённых, конечно, прежде всего, тому, как Иоанне встать однажды на его пути со своим горем, чтобы и её коснулась Благодать, ниспосланная Ему...

Глава 3. Мария и Иисус. Знакомство.

Всю мою женскую хитрость вложила я в устройство встречи Иисуса с Иоанной. Вот уже несколько дней подряд он проповедовал на нашем берегу, но оставаться здесь навсегда вряд ли собирался, он никогда не задерживается больше недели в определённом месте. Да и потом, посудите сами, разве могла моя скромная подруга придти к Нему на залитый солнцем берег Генисарета, и признаться на виду у множества людей в желании иметь ребенка? Самое естественное, самое прекрасное желание женской души, но как озвучить его в толпе? Да ведь и сама толпа состоит из одних мужчин, женских лиц тут единицы. Молчаливые, закутанные в покрывала фигуры, и ни одна из них не обнажает своих язв прилюдно, не протягивает болящих рук, ног, прочих частей тела, не просит ни о чём. И вовсе не потому, что не болеет. Сколько их приходит к нам, в дни храмовых праздников и в обычные дни, заливаясь слезами у ног Матери, прося об исцелении, о даровании здоровья. Главная жрица многое знает о женском теле, и не справляясь сама с потоком просительниц, и нас обучила многим тайнам. Мы

делаем, что можем. Высчитать дни, благоприятные для сношений и последующей беременности, напротив, указать дни, когда можно отдаваться мужчине без опасения забеременеть, составить мазь, которая предохранит от беременности во дни, когда сношения этому благоприятствуют – это те обычные знания, которые необходимы жрице в её собственной жизни. Без этих пустяков она и сама не проживет.

Но мы умеем куда больше. Измученная в юности своей болезненными истечениями, я теперь могу облегчить жизнь многим молоденьким девушкам. Мои отвары и настои восстанавливают постоянство истечений, снимут боль, возвратят настроение. Женщины в возрасте с их вспыльчивостью, доходящей до склок, до ненависти, ненависти взаимной – их собственной, отягощенной к тому же ненавистью к ним домашних, часто приходят ко мне. Я действительно могу подарить им вкус к жизни. Могу помочь и их стареющим мужьям, с их впервые пошатнувшейся мужской силой, это вовсе не окончательный приговор, как им самим кажется в их печали. Словом, даже я, не говоря уж о Главной Жрице, могу многое. Но ведь нас так мало, а знания наши тайные, и не могут быть передаваемы, а только лишь используемы нами. Мы не можем помочь всем, и пожалеть всех. Да не все к нам и придут, так много тех, кто давно отрёкся от женской Матери Богов, кто в безумии своём склоняется лишь перед мужским, гневным, грозным, мстительным и ревнивым Богом. Как будто это вообще возможно – существование только мужского начала в этой жизни. Какой это был бы однобокий и странный мир! Но эти чудаки-фарисеи, многие из них, во всяком случае, боятся женщины как огня. Лишив её притягательности и таинственности, отняв у неё древнюю силу, созидающее, благотворное женское начало, оставили ей одну лишь заботу – деторождение. А сами занялись личным спасением, просветлением своей души. Прежде чем предстать перед Богом, душа должна освободиться от плоти. И ведь освобождаются, несчастные! Отвращают глаза от звёзд, от красоты любимых, и совершенствуются, совершенствуются. И всё дальше отодвигают подруг в женскую половину дома, туда, где лишь забота о детях, о еде, об одежде... Убогими растут сыновья у женщин, оттеснённых мужчинами от самого существа жизни. Трусливыми. Злобными.

А сами женщины? Почему такое отношение к собственному прекрасному, чудесно устроенному телу? Телу, в котором зарождается новая жизнь, и которое только поэтому уже должно быть обречено на поклонение и любовь! На каждодневную заботу о нём, между всем прочим. А они стесняются собственных тел. К чему далеко ходить за примером. Иоанна мудра, но скромность её превосходит пределы разумного. Или, может быть, пределы моего понимания, понимания жрицы женской Богини. Главная Жрица, внимательно подвергнув тайному и глубокому осмотру тело подруги, установила интересную подробность. Орган деторождения у Иоанны расположен особым образом, и подобное расположение для возникновения беременности требует и принятия определенных поз при сношении. Благоприятней, чтобы при сношении мужчина был сзади, так звучал её приговор. Я не оговорила – приговор! Ибо Иоанна, которая нежно любит мужа, Иоанна, любимая им до сердечной боли, Иоанна, живущая в браке шесть лет, в течение полугода не могла поговорить с мужем об этом. Понадобилось всё мое терпение, весь мой запас уговоров и упреков, чтобы слегка сдвинуть с места эту повозку. В этот приезд Хузы она клятвенно обещает ему всё объяснить... Кончится всё тем, что я сама объясню ему всё как следует. Мне не трудно, но не уверена, что Хуза воспримет это так же легко!..

Итак, встреча с Иисусом. Следовало выяснить, где он живет, где бывает чаще всего со своими проповедями, какими дорогами ходит. На одной из этих дорог в какой-то из дней следовало пересечь его путь, и обратиться со своей просьбой, и придумать слова, в которые будет облечена эта просьба. В свете рассказанного об Иоанне последнее тоже немаловажно... Всё время, пока я искала возможности к самой встрече, подруга взволнованно и вдохновенно искала слова, с которыми следует обратиться к Иисусу.

Каспар выяснил у здешних рыбаков, что Его город, в котором он бывает чаще всего, где чаще проповедует – Кфар Нахум [1]. Правда, он живёт, где придётся, там, где его ждут

сегодня. Нет ни одного места в этом ли, да и в любом другом городе, где он мог бы указать на человеческое жильё со словами: «Это мой дом». Один из его последователей, известный книжник, сказал, что пойдёт за ним, куда бы Учитель ни пошел. С горечью ответил ему этот странный человек: «Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»[2]. И как в таком случае его искать? Я засобиралась в Кфар Нахум. Есть там женщина, которая приютит меня, тем более охотно, что я успела насобирать на берегах озера немало трав. Сусанна стареет, тело её теряет былую привлекательность. Она вдова, и состоятельная при этом. Но скромницей её не назовёшь, и встречи с мужчинами по-прежнему составляют немаловажную часть её жизни. Не думаю, что она откажется от привычного месяца лечения, да ещё, если получит возможность провести его дома. Не раз вдова приглашала меня пожить у себя некоторое время, вот я и предоставляю ей эту возможность. Да, придётся разминать тело стареющей грешницы, орошать кожу настоями и смазывать моими мазями, поить её отварами трав... Но это не будет занимать у меня всего дня, да и потом Сусанна неплохая женщина, совсем не злая, скорее весёлая, смешливая. У неё много добрых знакомств в городе, она любительница сплетен, и непременная участница всех событий. Словом, эта женщина – именно то, что нужно.

Надо сказать, что не только интересы подруги вытащили меня на дорогу в город, пусть цветущий, красивый и с привилегированным положением – он ведь стоит на границе областей двух тетрархов – Ирода Антипы и Ирода Филиппа, и процветает благодаря взиманию пошлин с проходящих через границу и с переправляющихся на лодках, через воды Генисарета. Не хочу лгать себе, я и сама искала встречи с этим человеком. При воспоминании об этом голосе, об этих руках я ощущала непонятную тоску. Я должна была увидеть Его снова, это было необходимо, но зачем? Я и сама этого не знала. Просто сердечная боль гнала меня дальше, всё дальше, в поисках Иисуса, и я шла, подчиняясь ей.

Иоанна отпустила меня не слишком охотно. Она была одержима мыслью о будущей встрече, но и беспокоилась за меня. Да ведь я уже давно не та девочка, которую она вытащила из храмовой процессии за руку. Теперь взять меня за руку и увести, куда бы то ни было, без моего желания и воли трудно, если вообще возможно. Достаточно было и того, что я согласилась отправиться в путь с четырьмя её рабами и на носилках. Все мои наряды, а также травы и флакончики с их таинственным содержанием устроились со мной в крытых носилках.

Сусанна не обманула моих ожиданий. С восторгом приняла она не слишком усталую путницу – город ведь вовсе не на краю света от имени Иоанны. Всё то же Галилейское море с его песчаными берегами, всё тот же запах рыбы повсюду. Правда, мне показалось, что лучшие рыбаки в этом городе ловят вовсе не рыбу. Здесь много монет ловится в карманах путников на таможне, и этот промысел приносит куда как больший доход. Но что мне до этого? Я не бедна, могу и заплатить. По этому поводу Сусанна рассказала мне историю. Что за женщина, просто находка! Я не успела ещё и намекнуть о цели своего приезда, а она уже упомянула Его имя в праздной болтовне, и как раз по поводу пошлин.

Говорят, что по приходе Иисуса в Кфар Нахум со своим учеником, подошли к ученику собиратели дидрахм и сказали: «Учитель ваш не даст ли дидрахмы?» Тот ответил: «Да». А денег у Учителя, по-видимому, не было. У Него состоялся разговор с учеником, и послал Он ученика на Генисарет, сказав: «пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадётся, возьми; и, открыв у ней рот, найдёшь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя»[3]. Статир нашёлся у первой же рыбы во рту! Ученик не преминул рассказать о чуде каждому, кто встретился на пути. Это предмет споров всех, кто когда-либо забрасывал уду в воды моря от мала до велика. Сусанна, старая грешница, которая верит только в то, что можно увидеть собственными глазами или потрогать рукой, уверяет, что ничего странного в этом нет. Здешние жители знают рыбку, которая при малейшей тревоге загоняет свой выводок мальков в рот для безопасности. Они так и называют её – галилейская рыба-мать [4]. Бывает, что вместо

мальков рыба-мать хватает то, что блестит, и часто рыбаки находят среди прочего и монеты. Хорошо, я принимаю такое объяснение, но ведь не мог же Он знать, что именно в этот раз, и у первой же рыбки найдется нужная монетка? Сусанна утверждает, что ученик, его называют Симоном, и он рыбак, мог выловить и не одну рыбку, и ловить в нужном месте... Я не знаю, конечно, всего, но мне, видевшей большие чудеса Иисуса, это маленькое и красивое чудо нравится очень! Здесь, в городе, слава его как чудотворца почти у всех на устах и не оспаривается... Но никто не хочет видеть в нём Пророка, Мессию, несущего им новую волю Бога, как объяснила мне Сусанна. И я тут же вспомнила собственное двойственное отношение к тому, что Он говорил и что делал...

Одно из наиболее часто посещаемых Им мест – бет-ха-кнессет [5]. Дом собрания построил для иудеев города дружественный им римский центурион. Красивое и величественное строение, но мне в его пределах делать нечего. Здесь – один из домов Бога, чуждого мне по духу, яростно преследующего нас, женщин. Уже вытеснившего Великую Мать из множества сердец. Он и сам не пустит меня на порог своего дома, да и я не пойду к Нему.

Оставались его ученики. Я нашла их, разыскала дома, в которых Иисус бывает. Чаще всего Он бывает у Симона – рыбака, у которого вылечил шумную сварливую тещу. Именно Симон нашел статир во рту у рыбки. И теперь его узнали многие, кто до сих пор не слышал о существовании Кифы. Почему его называют камнем? И действительно ли после своего излечения Иисусом теща стала удивительно доброй, тихой женщиной, как говорят? А самое главное – ну почему, почему мне так интересно и важно знать всё, что касается Этого человека? Он ведь совсем чужой мне, а исчезни вдруг из моей жизни сегодня – и я умру от тоски...

Я вызвала в город Иоанну. И настал тот день, когда мы увидели Его одного возле дома Симона-Кифы, на берегу. Никто не мешал Ему в тот час. Он сидел, обняв свои колени, провожая глазами заходящее солнце. Громкие голоса детей неслись из дома. Чайки тосковали над гладью моря. Откуда-то издали слышался стук молотка. И, несмотря на всё это, было тихо, очень тихо... В мир сошли тишина и покой, царившие в этом сердце. Хотелось просто подойти, присесть рядом, положить голову на это плечо, разделив тем самым с ним эту тишину, и этот мир, медленно погружающийся во мрак. Вместо этого я вытолкнула вперед Иоанну. И прежде, чем она заговорила, прежде чем успела сказать хоть слово своей тщательно подготовленной речи, рука её коснулась одежд Иисуса...

– Кто коснулся меня? – услышали мы его незабываемый голос.

Как можно ответить на подобный вопрос? Иоанна онемела, да и я вдруг потеряла способность к человеческой речи. Молча стояли мы рядом. Медленно, словно нехотя, он поднялся и развернулся к нам. Наши растерянные лица он имел возможность рассмотреть; мы же, стоявшие против заходящего солнца, вместо лица видели лишь тёмное пятно. Он имел право рассердиться на наше неуместное появление в час отдыха, и что мы могли сказать в своё оправдание, не знаю. У Иоанны была, несомненно, веская причина, захоти он её выслушать. А у меня? Сказать, что я тосковала по Его руке, ласкавшей мои волосы на другом берегу Генисарета? Он, иудей, Он, у которого уже есть ученики и, наверное, они почтительно называют его «равви», станет говорить с женщиной, и какой женщиной – заведомо грешной, недостойной, от которой можно оскверниться?

– Так кто же из вас коснулся меня? – мягко, совсем не рассерженно сказал Он, видимо, снисходя к нашей растерянности и женской слабости. Мне даже показалось, что Он улыбается.

– Впрочем, я знаю, это ты, – обратился Он к подруге. – Я ощутил твоё желание. Оно огромно, как и твоя вера. Как ты веруешь, да будет тебе. Ты станешь матерью. Не завтра, это не в моих силах, – и я вновь поняла в это мгновение, что Он улыбается.

И Иоанна, и я продолжали молчать. Ибо Он продолжать поражать наши сердца глубоким видением, настолько глубоким, каким может быть лишь неземное, нечеловеческое видение. Так какое же – божественное? демоническое?

И тут я услышала слова, окончательно выбившие у меня почву из-под ног.

– А ты, женщина в красном? Ты ничего не хочешь от меня?

В этот вечер я была не в красном!

– Трудно не заметить женщину столь редкой красоты, – словно отвечая на мои разбегающиеся мысли, продолжал он. К тому же разогнавшую столько народа, и смутившую моих учеников. Ты была не слишком добра к самому младшему из них, мне казалось, что ты желала бедняге Йоханану выпасть из лодки.

Это было уже слишком для моей растревоженной души.

– Кто ты? – вырвался крик. Он вздохнул. И облёк свой ответ в малопонятные слова.

– Я – сын человеческий... И зовут меня Й'эшуа.

Глава 4. Объяснение в любви.

Все годы, что прошли со времени моего детства, от прихода в Храм и до этих дней, я служила любви. Так говорят люди, и нас, жриц Великой Матери, называют жрицами любви. Я и сама так полагала, но однажды вечером, на берегу моря Галилейского, услышала произнесённые глубоким, звучным голосом слова:

– Я – сын человеческий, и зовут меня Й'эшуа...

С этого мгновения я знаю, что люблю. Впервые за всю жизнь, казалось бы, посвященную любви без остатка. Именно с этого мгновения я, которую до сих пор безуспешно, как выяснилось, учили любви много лет, усвоила истину: миром правит любовь. Во всяком случае, одной половиной мира, женской.

Как рассказать, что произошло между нами там, у дома Симона? Иоанна оставила нас, а я была безумна от счастья, и хоть помню многое, но как-то туманно. Я была как во сне, и запомнила нашу встречу, как запоминают сны – отрывками, путано и сбивчиво. Видно, и Иисус повёл себя как безумец. Иначе почему сбежала от нас моя рассудительная подруга?

Он сказал мне, что ждал меня. И знал, что я приду.

– Ты ещё сама не знаешь этого. Но ты – моя женщина, Мир'ям, – он произнёс моё имя на галилейский лад, певуче. Так называл меня отец, так зовут меня Марфа с Лазарем, и сердце моё откликнулось на собственное имя, как на первую его ласку.

– Мир'ям, – говорил он мне, – тысячелетия могут пройти, прежде чем родится любовь, такая, как наша. Я никогда не любил женщину... Прежде самого себя возлюбил я Господа, а потом – страну, где родился. Я любил своих родных, учеников, и тех, кого вылечил от болезней, а ещё больше – тех, кого не дано было вылечить. Но не женщину. И вот, взгляд мой упал на тебя, на том берегу, а потом мне выпало счастье коснуться твоих волос, вдохнуть твой запах... Знаешь, что я понял тогда? Тысячи раз может любить человек, но лишь один раз он любит. И для меня этот миг настал. Я знаю, кто ты. Мне всё равно, что могут сказать люди с глупыми сердцами. Жизнь – есть жизнь любви, а не ненависти. Научи меня любить, Мир'ям... Остаься со мной! Я сам отвечу всем тем, кто станет поучать нас с тобою. Я спрошу у них – не гибнет ли род человеческий ото лжи, величайшей лжи? Не нападают ли бесы и болезни на всех праведников...

Он называл меня прекраснейшей из женщин, и царицей своей души. Слушать всё это мне было больно. Больно от радости... Как это сочеталось, не знаю. И всё же, так оно и было: счастье захватило меня настолько, что я ощущала головокружение, задыхалась, сердце сорвалось и понеслось биться до резкой боли в груди.

Великая Мать не обделила меня любовью. Не в первый раз слышала я признания от мужчины. Доводилось и мне отвечать словами, которые шепчет страсть. Но с этим человеком я не могла говорить на языке, выученном в Храме. Всё было настолько важно для меня, что я потеряла дар речи. Судорогой сжимало горло, в глазах стояли не пролившиеся слёзы.

– Я знаю, – говорил мне он ещё, – удачно жениться столь же трудно, как заставить расступиться воды Красного моря. Для этого нужна бесконечная мудрость Божья. И Он, в своей

безграничной милости, позволил мне погрузиться в глубины Торы, чтобы я мог отказаться от брака до того дня, пока не встретил тебя[1]. А ещё – я исходил полмира в поисках истины, учился быть таким, каким стал. Он берёт меня для встречи с тобой, Мирьям. Как мне благодарить Его за это...

Когда я, наконец, подчинила себе отказывающееся говорить горло, трудный начала я разговор. Чистый, благородный, отмеченный чудесным даром исцеления, человек этот не мог стать моим мужем. «Равви», обращались к нему ученики, и имя его уже становилось известно. Моя любовь была с ним, и давно. Осознала я её сейчас, но разве не у генисаретских вод она начиналась, когда его рука легла на мою бедовую голову... Но ведь любовь эта могла только повредить ему. Что я была в сравнении с ним? Известная многим как блудница, и ими презираемая. Принимаемая охотно ночью на ложе, и отвергаемая днем. Так судили меня люди, и людей этих было – большинство. Ни девственности, ни честного имени не могла я принести ему в дар. Так к чему же жениться? Всё, чего бы он ни захотел от меня, Мириам отдала бы с радостью, но в сумраке ночи, в тайне, дабы не лёг позор на его плечи. Трудно давались мне эти слова, но я произнесла их. Я говорила – и видела, как темнело его лицо.

– Если бы не Йецер Ха-ра, мужчины не строили бы дома, не женились и не становились отцами детей[2], Мирьям, – отвечал он мне. И это правда, как ни горько сознавать женскому сердцу такую правду. Но ведь не вся правда, милая. Если бы я любил лишь твоё прекрасное тело, я, быть может, не удержался бы от того, чтобы взять своё, как мужчина. Пусть меня зовут «равви», но я не немощен, и не болен. А ты хороша, как Лилит...

Краска бросилась мне в лицо, уши запылали. Говорить о некоторых вещах бывает не то чтобы трудно, а скорее опасно. Вот и Иисус, начав говорить об этом... Или это я начала, сказав, что готова выполнить его желания? Не важно. Просто когда он стал говорить об этом, мы оба ощутили нечто. Его глаза остановились на моей груди, потом скользнули ниже. Я видела, как потянулись ко мне его теплые, сильные руки, и испытала желание ощутить их на своих бедрах. Я знаю, он тут же почувствовал это. Было мгновение колебания в его душе. Но он так стиснул кулаки, что, мне кажется, послышался хруст суставов. И даже отступил на шаг назад, подальше.

Всё это время мы стояли на берегу, друг против друга, и говорили. Лишь теперь я поняла, как глупо всё это. Столько глаз, что увидят своего «равви», говорящим с некой женщиной, которая не сестра и не мать ему, к тому же – молода и красива. Ему нельзя опускаться до подобного, иначе он растеряет своих учеников, почитателей. Лишится уважения простых, часто излишне суровых, но любящих его жителей Кфар Нахума. Что же мы делаем?

Но договорить следовало, и уж раз зло свершилось, то пусть это закончится сегодня, сейчас. Отказаться дважды от своего счастья я просто не сумею. А вот стоять я уже не могла, ноги не держали. То, что пробежало между нами мгновение назад, кружило мне голову. Я не нашла ничего лучшего, как присесть на песок. Подумав, он опустился невдалеке от меня, долго молчал, глядя своими большими, печальными глазами. Потом заговорил снова.

– Грешное в этом мире праведно в глазах Божьих. Блудница, которая не ненавидит, славнее праведника, который осуждает. Жив лишь тот, кто не судит других... Забудь, что ты грешница. Так вижу это я, так же чувствуешь и ты, я знаю. Ты же научена в своем Храме тому, что вся твоя жизнь – добро. О чём же мы говорим с тобой сейчас, голубка, когда можно говорить о любви. Скажи, живёт твоё сердце, когда ты любишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.